К. М. Азадовский
✉*azadovski@mail.ru*
независимый исследователь
(Санкт-Петербург)

Переводима ли «русская тоска»?

Аннотация. Что такое «тоска»? Отталкиваясь от вопроса, заданного Р. М. Рильке в письме к А. Н. Бенуа (1901), автор рассматривает различные аспекты «тоски» в русской историософии и культуре, выделяя национальную специфику этого понятия. Объектом исследования является не «тоска» как настроение или определенное психофизиологическое состояние, разнообразно преломившееся в западноевропейской и русской поэзии, а р у с с к а я тоска и связанные с нею традиционные особенности русской жизни (тягостная нищета, тоскливая народная песня, бесконечная дорога, даль и, наконец, особое восприятие «родины»). Ряд примеров, заимствованных прежде всего из русской поэзии, помогает высветлить глубинный, метафизический смысл этого слова (о чем писал еще Н. А. Бердяев), увидеть в «русской тоске» одну из характерных особенностей национальной «души». Этот специфический, уникальный «субстрат» невоспроизводим, по мнению автора, ни на каком другом языке.
Статья завершается экскурсом в современность — размышлением о «тоске» российского человека в новых исторических условиях.

Ключевые слова: тоска, тосковать, ностальгия, песня, степь, дорога, бездорожье, русская душа, Русская идея, Рильке, Блок, Есенин, Гоголь, Бердяев

Для цитирования: *Азадовский К. М.* Переводима ли «русская тоска»? // Шаги/ Steps. Т. 6. № 3. 2020. С. 170–183. DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-3-170-183.

Статья поступила в редакцию 17 марта 2020 г.
Принято к печати 10 мая 2020 г.

© К. М. АЗАДОВСКИЙ

Shagi / Steps. Vol. 6. No. 3. 2020
Articles

K. M. Azadovsky
✉ *azadovski@mail.ru*
Independent Researcher
(Russia, St. Petersburg)

Is Russian *toska* ('yearning/longing') translatable?

Abstract. What is "yearning/longing" (*toska* in Russian)? Inspired by this question, which Rainer Maria Rilke posed in a letter to A. N. Benois (1901), the author examines different aspects of "longing" in Russian history and culture, drawing out the national specificity of this concept. The focus is not on "yearning/longing" as a state of mind or specific psychophysiological state variously reflected in European and Russian poetry, but rather on *Russian* "yearning/longing" and its entanglements with traditional characteristics of Russian life (abject poverty, wistful folk songs, endless roads, space and, finally, specific notion of the motherland). A series of examples borrowed primarily from Russian poetry of the 19th and 20th centuries helps shed light on the deep "metaphysical" meaning of "yearning/longing" (described earlier by N. Berdiaev). "Russian longing" is considered as a characteristic feature of the national "soul", and the author argues that it is impossible to replicate this unique "substrate" in any other language.
The article concludes with an excursion into the present time — a reflection on Russian *toska* ('yearning/longing') in new historical circumstances.

Keywords: yearning, to yearn for, nostalgia, songs, steppe, road, roadlessness, Russian soul, Russian idea, Rilke, Blok, Esenin, Gogol, Berdiaev

To cite this article: Azadovsky, K. M. (2020). Is Russian *toska* ('yearning/longing') translatable? *Shagi / Steps, 6*(3), 170–183. (In Russian). DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-3-170-183.

Received March 17, 2020
Accepted May 10, 2020

© K. M. AZADOVSKY

Предлагаемый этюд[1] навеян пассажем из письма Рильке к Александру Бенуа от 28 июля 1901 г.; это письмо не раз публиковалось — как в немецком оригинале, так и в русском переводе — и многократно цитировалось.

Рассказывая А. Н. Бенуа о своем глубоком чувстве к России и своей неудовлетворенности современной Германией, где он жил в то время, Рильке делает следующее признание (почти весь цитируемый отрывок написан по-русски; приводится в новой орфографии и с воспроизведением особенностей и ошибок оригинала):

> …Как часто это теперь случится, что я напрасно ищу какое-нибудь слово или выражение и потом всегда думаю: как трудно для меня, что я должен писать на том языке, в котором нет имени того чувста, которое самый главное чувсто моей жизни: тоска. Что это Sehnsucht? Нам надо гладеть в словарь, как переводить: «тоска»? Там разние слова можем найти, как, н[а]пр[имер]: Bangigkeit, Kummer des Herzens bis Langeweile. Но вы будете соглашатся, если скажу, что помоему ни одно из десять слов не дает смысл имено «тоскы». И ведь это потому, что немец вовсе не тоскует и его Sehnsucht вовсе не то, а совсем другое сентименталное состояние души, из которого никогда не выидет ничего хорошего. Но из «тоскы» народились величайшые художники, богатыри и чудотворцы русской земльи. И мне всегда кажется, как будто эти три на первом взгладе так близкие выражения: langueur, Sehnsucht, тоска, масштабами глубины народов, которым они принадлежут... [Asadowski 198: 291][2].

Общий смысл этого пассажа таков: тоска — специфически русское состояние души, неведомое немцам, а потому эквивалентный перевод этого слова на немецкий невозможен. Присутствует и дополнительный смысловой оттенок: русский человек живет чувством, тогда как немец (западный человек) «вовсе не тоскует», т. е. живет не чувством, а рассудком (характерная — начиная с эпохи европейского Просвещения — оппозиция Разума и Чувства, Цивилизации и Природы).

Дальнейшие соображения — своего рода комментарий к этому категорическому утверждению Рильке.

Что же такое «тоска»? Чтобы получить ответ на этот риторический вопрос, поднятый Рильке, попробуем — следуя его совету — заглянуть в словарь.

Академический 17-томный Словарь русского языка сообщает, что *тоска* — это «душевное томление или тревога в соединении с грустью, унынием» [ССРЛЯ (15): 705–708] (т. е. предлагает приблизительно тот же набор,

---

[1] В основе публикуемого текста лежит доклад под аналогичным названием, произнесенный 28 июня 2010 г. в Петербурге на Шестых Эткиндовских чтениях «Переводимое/непереводимое в контактах художественных культур» (см.: [Мильчина 2019: 419–420]).

[2] Цитируется первая публикация, осуществленная в Германии с аутентичным воспроизведением фрагментов, которые в оригинале написаны по-русски. В русском переводе это письмо появилось значительно раньше (см.: [Рильке 1971: 175], раздел «Два письма в Россию»), однако слова и фразы, написанные Рильке по-русски, приводятся в этом издании в «исправленном» виде и, таким образом, не соответствуют оригиналу.

который Рильке приводит по-немецки: *Sehnsucht*, *Bangigkeit*, *Kummer des Herzens*[3]). Однако в этом толковании отсутствует важнейшая для Рильке национальная коннотация. Отсутствует она и в словаре Даля, где мы находим «стесненье духа», «томленье души», «мучительную грусть», «душевную тревогу», «беспокойство», «боязнь», «скуку», «горе», «печаль», «скорбь» и даже такое весьма непривычное для современного русского слуха выражение, как «нойка сердца». Любопытно, что из множества возможных употреблений этого слова Даль счел нужным выделить словосочетание «тоска по родине», сообщив, что такая «тоска» «обращается иногда в телесную болезнь с изнурительною лихорадкою». И, наконец, он приводит несколько производных от *тоски* слов, опять-таки странных для современного восприятия: *тоскнуть*, *тоскун* (тот, кто долго и много тоскует) или *тоскователь* (человек, чего-то тоскливо или ревниво ищущий) [Даль 1882: 422].

Итак, существительное *тоска* или глагол *тосковать* имеют в русском языке несколько смысловых уровней, главный из них: скучать, томиться, маяться, хандрить. Следует, разумеется, различать бытовое и литературное словоупотребление. «Литературная» тоска равнозначна, как правило, стремлению к далекому и недостижимому. Иннокентий Анненский, чье творчество проникнуто этим томительно-тягостным настроением в его многообразных оттенках (сладостное предчувствие Прекрасной Дамы, томление по далекой родине, мечта о «чуде», необъяснимая «меланхолия»)[4] называл это «мукой идеала»[5]. В том же ряду и разочарование, скорбь, Мировая Тоска. Именно в этих значениях концепты «тоска» и «тосковать» прижились и широко использовались в западноевропейской и русской литературе XIX и XX столетий, особенно в романтической и неоромантической поэзии (Новалис, Жуковский, Ленау, Верлен и др.). «Литературная» тоска требует, как правило, слов-уточнений. Например, в русской традиции она устойчиво соединилась с такими эпитетами, как *сердечная* (*душевная*), *странная*, *безнадежная*, *гнетущая*, *мрачная*, *щемящая*, *тягучая*, *ноющая*... А также: *бешеная тоска*, *затаенная тоска*, *зеленая* (т. е. пьяная) *тоска*, *смертная* или *смертельная тоска*. Встречаются, однако, и противоположные смыслы, например, *любовная*, *сладкая*, *страстная тоска*: «Ты пела мне тогда, и песнь твоя звенела / Тоской, безумною и страстною тоской»[6]. Всем знакомы, наконец, и такие бинарные сочетания, как *грусть-тоска, тоска-печаль*, *тоска-кручина*, равно как и однообразная *тоска-скука* — «тоска бесконечного круга»[7]. При этом, в отличие от легкой и мимолетной *грусти*, *скуки* или *печали*, тоска — глубокое душевное состояние, постоянно живущее в душе, о чем напоминает известная строчка Алексея Кольцова: «На лице — печаль, на душе — тоска»[8].

---

[3] Удивительно, что, выстраивая этот ряд, Рильке не привел таких слов, как *Wehmut* или *Wehmütigkeit*, наиболее близких, как нам кажется, к русской *тоске* (ср. также *Heimweh* ‘тоска по родине’).

[4] См. содержательную статью [Барзах 1996].

[5] Стихотворение «Не могу понять, не знаю…» [Анненский 1959: 187].

[6] Стихотворение «Ты помнишь — ночь вокруг торжественно горела…», 1879 [Надсон 1962: 96].

[7] Стихотворение «Тоска миража», 1913 [Анненский 1959: 211].

[8] Стихотворение «Русская песня», 1838 [Песни 1963: 472].

Квинтэссенция этого лиропоэтического восприятия «тоски» прекрасно выражена в строках Бориса Чичибабина:

> Я — поэт, и мой воздух — тоска,
> Можно ль выжить, о ней не поведав?[9]

Все эти «поэтизмы», принадлежащие изящной словесности, имеют определенное (безошибочно уловимое читателем) значение и вполне переводимы на иностранный язык.

Речь, однако, пойдет о другой «тоске» — той, которую имел в виду Рильке: тоска как особенность национального бытия, отголосок ее истории, нечто присущее исключительно «русской душе». Нас интересует историософский и отчасти лингвистический аспект этого понятия — не психологическое состояние, свойственное людям в разные времена и на всех широтах, а «р у с с к а я тоска» как некий элемент национального мироощущения[10]. Тем более что само это определение срослось с *тоской* столь же прочно, как и многие другие эпитеты.

Обратимся опять-таки к литературе.

«Тоска» — один из важнейших элементов поэтики Сергея Есенина, едва ли не основной мотив его творчества в разнообразных оттенках — от легкой грусти до безнадежного отчаяния. Есенин — ярчайший выразитель «русской тоски», органически соединенной в его стихах с Русью и родиной («О сторона ковыльной пущи / Ты сердцу ровностью близка, / Но и в твоей таится гуще / Солончаковая тоска»[11]). Есенинская тоска — не индивидуальное, а национальное чувство, определяющее характер его поэзии. В стихотворении Петра Орешина, написанном на смерть поэта, читаем: «Отшумело поле, / Пролилась река. / Русское раздолье / Русская тоска»[12].

Та же «русская тоска» встречается и у Клюева, близкого Есенину: «…Истекла глухая отсрочка / Забубённой русской тоски»[13]. Или, с другой стороны, — у Марины Цветаевой. Хрестоматийная «тоска по родине» («…давно / Разоблаченная морока»[14]), сочетается у Цветаевой с вызывающе смелым использованием этого слова: «Баррикады, а нынче троны. / Но всё тот же мозольный лоск. / И сейчас уже Шарантоны / Не вмещают российских тоск»[15]. (Смысл: французские психиатрические лечебницы не в состоянии исцелить русских, страдающих от своей национальной болезни.)

---

[9] Стихотворение «Защита поэта», 1971 [Чичибабин 2002: 208].

[10] В последние десятилетия эта тема (как и вопрос о переводимости и непереводимости отдельных понятий, связанных с национальным своеобразием) все более привлекает внимание. Отталкиваясь от пионерской работы лингвокультуролога А. Вежбицкой [Wierzbicka 1990], исследователи пытаются осмыслить русскую ментальность через «ключевые» слова и понятия русского языка. См.: [Димитрова 2001; Зализняк и др. 2005 (особ. с. 31–32 и 54–56, с цитатой из письма Рильке к А. Н. Бенуа); Чеснокова 2012]; и др.

[11] Стихотворение «За темной прядью перелесиц…», 1915/1916 [Есенин 1977–1980 (1): 103].

[12] Стихотворение «Сергей Есенин…», 1926 [Орешин 1927: 11].

[13] Стихотворение «Солнце избу взнуздало…», 1921 [Клюев 1922: 40].

[14] Стихотворение «Тоска по родине! Давно / Разоблаченная морока!…», 1934 [Цветаева 1994: 315].

[15] Стихотворение «Кто — *мы*? Потонул в медведях…», 1926 [Цветаева 1994: 265].

О «сиротливой тоске» как характерной примете русской жизни упоминает в одной из своих статей и Вячеслав Иванов (речь идет о мистической «святой Руси», складе «русской души» и т. п.) [Иванов 1979: 343].

В этот ряд можно включить и другие сочетания, близкие *тоске*, хотя и не равнозначные: *русская печаль*, *русская грусть*, *русская кручина*, *русское горе*. «Это пляшет российская грусть», — читаем в одном из стихотворений Есенина[16]. «Не размыкать сейсмографу русских кручин», — вторит ему Клюев[17], противопоставляя таким образом машинному западному укладу р у с с к и й настрой. Характерный пример из поэзии второй половины XIX в., соотносившей *тоску* с русской нищетой и серостью: «Не в ярко блещущем уборе / И не на холеном коне / Гуляет-скачет наше Горе / По нашей серой стороне. / Пешком и голову понуря / В туманно-сумрачную даль / Плетется русская Печаль...»[18].

Зачатки этого восприятия «тоски» как определенного настроения не человека в о о б щ е, а именно р у с с к о г о человека мы видим уже в поэзии начала XIX в. «Я молод, жизнь во мне крепка; / Чего мне ждать? тоска, тоска!..»[19] — известное восклицание пушкинского героя отражает состояние русского «лишнего человека», каковым является не один Онегин. Лишний человек — человек тоскующий. Пушкин, во всяком случае, бесспорно воспринимал онегинскую «тоску» как особую примету р о с с и й с к о г о дворянина.

Еще в конце XIX в. критик Владимир Поссе в своей статье, посвященной ранним рассказам Горького (один из них озаглавлен «Тоска»[20]), резонно отметил, что почти вся русская литература (Гоголь, Тургенев, Л. Н. Толстой) несет в себе — в той или иной степени — щемящий тоскливый мотив[21].

* * *

Экзистенциальная метафизика «тоски» исследуется в книге Н. А. Бердяева «Самопознание» (1940) — в главе, посвященной основным темам человеческого существования («одиночество», «свобода», «бунтарство», «жалость», «сомнения и борения духа»; в этом же ряду оказывается и «тоска»). Бердяев подробно анализирует это состояние, хорошо ему знакомое (по его утверждению). Он пишет о тоске, которую навевает ощущение неизбежной смерти; о творческой тоске — тоске художника, ощущающего несовершенство своего создания; о тоске пола («Пол есть тоска, потому что на нем лежит печать падшести человека. ‹…› Пол требует выхода человека из самого себя, выхода к другому. Но человек вновь возвращается к себе и тоскует» [Бердяев 1989: 56]). Бердяев различает тоску, свойственную юности, и тоску зрелого возраста; подробно сопоставляет *тоску* с близкими или родственными понятиями: *печалью*, *скукой*. Все это на первый взгляд достаточно далеко от той *тоски*,

[16] Стихотворение «Вот такой, какой есть…», 1919 [Есенин 1977–1980 (4): 157].

[17] Стихотворение «На завóдских задворках, где угольный ад…», 1920/1921 [Клюев 1922: 53].

[18] Н. Минский, стихотворение «Наше горе», 1878 [Минский, Добролюбов 1995: 101].

[19] А. С. Пушкин, Отрывки из Путешествия Онегина, 1830 [Пушкин 1949: 512]. Ср.: «Недуг, которого причину / Давно бы отыскать пора, / Подобный английскому *сплину*, / Короче, русская *хандра* / Им овладела понемногу» [Там же: 456 (I, 25. XXXVIII. 1–4)].

[20] Впервые: Новое слово (СПб.). 1896. № 9 (июнь) и № 10 (июль) под заглавием «Тоска. (Страничка из жизни одного мельника)».

[21] Впервые: Образование (СПб.). 1898. № 11.

которую имел в виду Рильке. Но, по существу, оба пишут о том же. Ядро *тоски*, ее глубинное содержание имеет для Бердяева, как и для Рильке, религиозно-метафизическую природу. Тоска — это прежде всего томление по з а п р е д е л ь н о м у (но не в романтическом понимании этого слова).

> Тоска направлена к высшему миру и сопровождается чувством ничтожества пустоты, тленности этого мира. Тоска обращена к трансцедентному, вместе с тем она означает неслиянность с трансцедентным, бездну между мной и трансцедентным. ‹…› Это есть до последней остроты доведенный конфликт между моей жизнью в этом мире и трансцедентным [Там же: 53].

Противопоставляя прагматического, «приземленного» немца тоскующему русскому человеку, Рильке безусловно имел в виду тот же самый «трансцедентный» («метафизический») аспект. Аналогичное восприятие «тоски» угадывается и в известном стихотворении князя Вяземского: «Когда смотрю, как мчатся облака, / Гонимые неведомою силой, / — Я трепещу, меня берет тоска, / И мыслю я: «Прочь от земли постылой! ‹…› Из духоты существенности шумной / Я рвусь в простор иного бытия, / И до земли уж не касаюсь я»[22]. «Тоска» Вяземского — возвышенное устремление души, ее порыв к «надмирному».

В «Самопознании» Бердяев говорит о тоске главным образом как о состоянии общечеловеческом, анализирует тоску к а к т а к о в у ю, тоску в о о б щ е. Но Бердяев задумывался и о национальном аспекте этого понятия. «Русская тоска по смыслу жизни, — писал он еще в 1904 г., — вот основной мотив нашей литературы и вот что составляет сокровенную сущность нашей интеллигенции» [Бердяев 1907: 158].

Этот же (т. е. национальный) аспект выделял и русский богослов, философ и публицист Владимир Ильин (1891–1974). «Есть в русской природе и русском характере, — писал он в 1931 г. в одном из своих “этюдов”, — совсем особое свойство, нигде более не встречающееся. Свойство это — безбрежная и бесконечная тоска. В значительной степени она объясняется общей тяжестью русского исторического рока, своеобразно отражающегося и преломляющегося в жизни отдельных лиц. Но все же этим она не исчерпывается. Унылая беспредельность русских просторов и своеобразная грустная красота русской природы ‹…› нашли свое воплощение в особенностях народной поэзии (фольклора) и музыки» [Ильин 1997: 77].

Понимавший Россию и русскую судьбу как трагическую раздвоенность света и тьмы, Ильин видел возможность преодоления «тоски» на путях смирения и страдания. Для нас же в приведенном высказывании важнее другое — намеченная здесь связь между «русской тоской» и «тяжестью русского исторического рока».

О том, что русский путь окрашен «тоской», в которой заключена якобы мистическая суть России, писали и другие. Наиболее известное свидетельство такого рода — блоковские строки из цикла «На поле Куликовом»: «Наш путь степной, наш путь в тоске безбрежной, / В твоей тоске, о Русь, / И даже мглы ночной и зарубежной / Я не боюсь» [Блок 1997: 170]. Тема продолжается

[22] Стихотворение «Тоска», 1831 [Вяземский 1986: 238].

в четвертом стихотворении цикла: «Опять с вековой тоскою / Пригнулись к земле ковыли…» [Там же: 172]. «Тоска» Блока — одна из метафор России, ее мистическая глубинная суть, свойство национальной души.

К каким образцам восходят блоковские слова о «вековой русской тоске»? Один из вероятных источников — «Слово о полку Игореве» («Тоска разліяся по русьской земли...»)[23]. Возможно, Блок вдохновлялся и образом России у Гоголя — такое восприятие было ему родственно (достаточно вспомнить блоковскую статью «Дитя Гоголя»). Речь может идти и о других источниках. Но какими бы они ни были, важно подчеркнуть: блоковское — разумеется, поэтическое — видение России и русского пути, напрямую соотнесенное с «безбрежной тоской», коренилось в русской традиции.

Очень важно, что *тоска* в этом контексте — понятие собирательное; в нем так или иначе преломляются все иные «знаковые» лексемы блоковского стихотворения: *степь*, *ковыль*, *безбрежность*, *степная воля*, *степная кобылица*... Ковыль это степь, степь — безбрежность, беспредельность, а беспредельность — воля. Все взятое вместе — тоска, а тоска — Россия; так выстраивается этот ряд. Любопытно, что блоковская «тоска» имеет скифско-азиатский, а не европейский облик. «Тоска Руси — татарская тоска, — отметил в свое время Георгий Федотов, посвятивший этому блоковскому циклу отдельное исследование. — Поэт мчится на бой с татарской ратью, неся в груди татарскую тоску по древней, степной воле» [Федотов 1991: 104].

Родство и даже единство этих понятий — русская душа, бесконечная степь («У нас в душе некошеные степи», — восклицал Максимилиан Волошин[24]), грусть, уныние и тоска — многообразно запечатлено в отечественной культуре, и не только в литературе, но и в тоскливых, «дождливых» пейзажах русских живописцев (Васильев, Саврасов, Левитан).

К характерным приметам русской тоски следует добавить еще одну: дорогу. Бытует выражение *дорожная тоска* — достаточно вспомнить строки известного стихотворения Блока («Тоска дорожная, тоска железная / Свистела, сердце надрывая» [Блок 1997: 178]) или название одного из стихотворений Анненского («Тоска вокзала» [Анненский 1959: 128]). Однако первое, что приходит на память, это, конечно, пушкинская «Зимняя дорога» (1826): «Что-то слышится родное / В долгих песнях ямщика: / То разгулье удалое, / То сердечная тоска…» [Пушкин 1949: 209]. Тоска, навеянная однообразной дорогой, унылым равнинным пейзажем («тоска бесконечных равнин», как сказано в одном из есенинских стихотворений[25]), необъятным пространством, монотонной ямщицкой песней и однозвучно гремящим колокольчиком, воспринимается как «наше родное», русское... Дорога и даль, отмечал Борис Хазанов, это «массовый символ» русского народа, «концентрат его самосознания» [Хазанов 2012: 422]. Но дело не только в однообразии и «однозвучности» русской дороги, идущей через бесконечность степных или лесных пространств.

[23] Уместно вспомнить, что Рильке не только читал и знал «Слово», но и переложил его на немецкий язык (в 1904 г.); слово *тоска* в этом месте переведено им как *Kümmernis*: «Kümmernis goss sich aus über das russische Land» [Rilke 1997: 1155]. Однако *Kümmernis* означает скорее ‘беда’, ‘горе’, ‘печаль’.

[24] Из поэмы «Россия», 1924 [Волошин 2003: 379].

[25] Стихотворение «Неуютная лунная жидкость…», 1925 [Есенин 1977–1980 (4): 187].

И не в том, что русская дорога — почти всегда бездорожье, так сказать, дорога без дороги. Главное в том, что дорога эта — **бесцельна**. Русская жизнь — «бесконечный тупик»[26], а русский путь — дорога в никуда (во всяком случае, в ощущении многих наших соотечественников и в XIX, и в XX столетии, и поныне). Какое иное чувство, кроме тоски, может возникнуть у путника, ощущающего бесцельность своего пути, т. е. бессмысленность своего существования!

Бесцельное движение, хаотическое брожение, свойственное русской коллективной душе, смутное ощущение реальности, бессмысленность, беспечность существования — все эти оттенки и смыслы вбирает в себя, выражает и воплощает *русская тоска*. Не случаен тот ряд эпитетов, которые прочно соединились с этим понятием, — таких, например, как *смутная* или *беспричинная*, *неизбывная* или *беспросветная*… Все названные определения подчеркивают размытость и туманность этого состояния, его длительность и неопределенность, его безначальность, бесконечность, бескрайность. Синонимичны по отношению к *смутному* и *беспричинному* и такие определения, как *неясный*, *необъяснимый* и т. п. (например, у Лермонтова: «Томим неясною тоской по стороне своей родной»[27]; или у Бродского: «Плывет в тоске необъяснимой…»[28]).

Русская тоска неотделима от русской песни. Сравнение души нации или народа с музыкальным произведением давно стало общим местом, так что можно с уверенностью утверждать: русская тоска нашла свое наиболее полное, адекватное выражение именно в русской песне. Тоска — суть русской народной песни, мелодия народной души, голос народа. Классическую формулу русской песни-тоски дал Гоголь в «Мертвых душах»:

> Что в ней, в этой песне? Почему слышится и раздается неумолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей от моря песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет и рыдает, и хватает за сердце? ‹…› Русь, чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? (глава XI [Гоголь 1937–1952 (6, ч. 1): 220–221]).

Об этом сказал и Некрасов в стихах о русском народе («Создал песню, подобную стону ‹…› Где народ, там и стон…»[29]). Тургенев глубоко запечатлел это единство степного простора, русской широты и удали, беспечности, бесконечности и т. д. — в пении Якова (рассказ «Певцы», 1850):

> Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь, раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль. У меня, я чувствовал, закипали на сердце и поднимались к глазам слезы... [Тургенев 1953: 306].

[26] «Бесконечный тупик» — название философского романа Д. Е. Галковского (1994).
[27] Поэма «Мцыри», 1839 [Лермонтов 1976: 79].
[28] Стихотворение «Рождественский романс», 1961 [Бродский 1992: 150].
[29] Стихотворение «Размышления у парадного подъезда», 1858 [Некрасов 1981: 49].

Укажем еще на одну характерно русскую особенность, неотделимую для Тургенева от творческого вдохновения: пьянство. Описанное им состязание народных певцов происходит в деревенском «Притынном кабачке», и все его участники, изливающие в пении свою душу, спешат — до или после творческого акта — утолить жажду. «Я подошел к окошку и приложился лицом к стеклу, — пишет Тургенев. — Я увидел невеселую, хотя пеструю и живую картину: все было пьяно — все, начиная с Якова» [Там же: 308]. Точно так же изобразит «певцов» и Максим Горький в рассказе «Тоска»[30].

Однако не буйство или неистовство звучит в пении деревенских рапсодов, а подлинно р у с с к о е настроение — боль и страдание. Отмечая «какую-то увлекательно беспечную, грустную скорбь», звучавшую в голосе Якова, Тургенев видит в ней проявление его «русскости»: «Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны» [Там же: 306]. Не случайно народная песня сопровождается эпитетами *унылый*, *грустный*, *протяжный*, *однозвучный* и (наиболее характерный из них) — *заунывный*.

«Я до сих пор, — писал Гоголь в 1843 г., — не могу выносить тех заунывных, раздирающих звуков нашей песни, которая стремится по всем беспредельным русским пространствам. ‹…› Кому при взгляде на эти пустынные, доселе не заселенные и бесприютные пространства не чувствуется тоска, кому в заунывных звуках нашей песни не слышатся болезненные упреки ему самому, тот или уже весь исполнил свой долг, или же он нерусский в душе»[31].

Русская тоска в таком ракурсе предстает как метафора российской жизни, как русская историческая болезнь. Прав ли был Рильке, заявляя вслед за Гоголем[32], что из этой «тоски» народились чудотворцы и богатыри русской земли? Думается, отчасти. Это утверждение следует воспринимать скорее как поэтическую гиперболу. Русскую тоску нельзя назвать живительным чувством; это, напротив, рефлектирующее начало, для которого характерны расслабленность, пассивность, бездействие («обломовщина»)[33]. Носитель такой «тоски» не в состоянии применить свои силы в созидательном акте. Но в русской тоске сокрыта одновременно и некая национальная потенция. Во всяком случае многим из наших «богатырей» и «чудотворцев» (от Пушкина до Есенина) было свойственно именно это «креативное» состояние, многозначно преломившееся в их творчестве, — от признаний в любви к России и чувства гордости за нее до болезненного отвержения и даже проклятий («И горько проклинаю / За то, что ты мне — мать»[34]).

---

[30] См. примеч. 20.

[31] «Выбранные места из переписки с друзьями» («Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» [Гоголь 1937–1952 (8): 289]).

[32] Очевидно, Рильке имел в виду известные слова из поэмы «Мертвые души» (глава XI): «Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему?»

[33] См., например, характеристику Н. М. Рожалина в письме А. И. Кошелева к В. Ф. Одоевскому (1832): «…ничем не занимается; ничего делать не хочет, тоскует, воображает, что должен скоро умереть» [Медовой 2000: 214].

[34] Стихотворение «О Родина!», 1917 [Есенин 1977–1980 (4): 141].

Русская тоска уникальна. Да, ее можно воспроизвести в другом языковом поле, но она непереводима в своем метафизическом измерении. Читатель иной культуры не услышит всей полноты и многозвучности этого слова. Глубинный смысл русской тоски для него закрыт — слишком уж не совпадают реальности. Трудно представить себе, скажем, «голландскую» или «швейцарскую» тоску, которая *плетется* (да еще на *тощей* лошаденке!).

Рильке оказался прав. Чутьем гениального поэта он уловил в русском слове именно ту самую «непостижимую связь» между тоской и страной, что коренится в национальном подсознательном, а потому неумолимо теряется при попытке перевода. Воссоздать эту связь средствами другого языка, внедрить в чужую иноязычную среду — практически невозможно.

* * *

Завершая свои «тоскливые» размышления, я хотел бы коснуться и российской современности. Тем более что степная кобылица, непаханые степи, однозвучный колокольчик и даже пресловутое русское бездорожье все более отступают ныне (в эпоху цифровой цивилизации и путешествий в виртуальном пространстве) в область седой старины и классической литературы.

В 1998 г. появилась статья Дениса Драгунского «Тоска по Родине», начинавшаяся словами «Я тоскую по Родине, по родной стороне моей» [Драгунский 1998: 10]. Автор «тоскует» по стране, которая распалась и тем самым лишилась своей идентичности. «…Моя страна, Россия, — печалится Драгунский, — утратила некое неуловимое, но, возможно, главное свое качество — утратила подлинность» [Там же]. Речь, однако, идет не столько об СССР, сколько об устоявшихся формах национального бытия. России как единого взаимоприемлемого Текста, рассуждает автор, более не существует; осталась лишь память о «больших идеях», объединенных названием «Русская идея». Драгунский напоминает о двух ее проповедниках: Вл. Соловьеве с его примиренческой утопией Вселенской церкви и Достоевском, для которого эта идея соединяла в себе русскую тоску, «истинно русского человека» и великую «предназначенную» цель (славянское единение, контроль над проливами Босфор и Дарданеллы и т. п.[35]). Неосуществимость или неосуществленность этой «великой миссии» была, как известно, источником «тоски» самого Достоевского. Однако то, о чем пишет Драгунский, в корне отличается от великодержавной тоски Достоевского; это — чувство российского человека 1990-х годов, разочарованного неудачей либерального проекта, не удовлетворенного собой и страной, которая как бы сохранилась, но которой на самом деле нет («томительное чувство неисполненного долга, нерешенной задачи», — формулирует Драгунский [Там же: 12]). Остались, хотя и в измененном виде, государственные границы, язык и, конечно, люди (большинство населения), которых ничто не объединяет, — ни политика, ни экономика, ни церковь, ни культура, ни чувство «духовной общности». Не говоря уже о политических партиях или харизматичных вождях.

Эта картина несбывшейся страны — той, которая была или должна была возникнуть в 1990-е годы, но так и не состоялась, — безрадостна. Перед нами

[35] «…Константинополь, рано ли, поздно ли, а должен быть наш» [Достоевский 1983: 65]. О «тоске» и «тревожных героях» в романах Достоевского см.: [Бокова 2014].

две стороны одной медали: созерцание родины в ее нынешнем виде, вызывающее тягостное чувство, — с одной стороны; и тоска по истинной, но не осуществившейся родине, — с другой. России как целостного духовного пространства более не существует, и единственная реальность, которая нам остается, — это ностальгическая тоска по стране, ушедшей в прошлое и несостоявшейся в настоящем. Таков, если угодно, современный российский *дискурс*.

Источники

Анненский 1959 — *Анненский И.* Стихотворения и трагедии. М.: Сов. писатель, 1959. (Б-ка поэта. Большая сер.).

Бердяев 1907 — *Бердяев Н.* О новом русском идеализме // Бердяев Н. Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1902–1906 г.). СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1907. С 152–190.

Бердяев 1989 — *Бердяев Н.* Собр. соч. Т. 1: Самопознание (опыт философской автобиографии). 3-е изд. Paris: YMCA-PRESS, 1989.

Блок 1997 — *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 3: Стихотворения. Кн. 3 (1907–1916). М.: Наука, 1997.

Бродский 1992 — *Бродский И.* Соч. Т. 1. СПб.: Пушкинский фонд, 1992.

Волошин 2003 — *Волошин М.* Собр. соч. Т. 1: Стихотворения и поэмы. М.: Эллис Лак, 2003.

Вяземский 1986 — *Вяземский П. А.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1986. (Б-ка поэта. Большая сер.).

Гоголь 1937–1952 — *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937–1952.

Даль 1882 — Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 2-е изд., испр. и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 4: Р — V. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1882.

Достоевский 1983 — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 25: Дневник писателя за 1877 год. Январь — август. Л.: Наука; Ленинград. отд-е, 1983.

Драгунский 1998 — *Драгунский Д.* Тоска по Родине // Дружба народов. 1998. № 3. С. 10–19.

Есенин 1977–1980 — *Есенин С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. М.: Худ. лит., 1977–1980.

Иванов 1979 — *Иванов В. И.* Собр. соч. [Т.] 3. Bruxelles: Foyer oriental chrétien, 1979.

Ильин 1997 — *Ильин В.* Чайковский, Тургенев и Толстой // Ильин В. Эссе о русской культуре. СПб.: Акрополь, 1997. С. 77–93.

Клюев 1922 — *Клюев Н.* Львиный хлеб. М.: Наш путь, 1922.

Лермонтов 1976 — *Лермонтов М.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 2: Поэмы и повести в стихах. М.: Худ. лит., 1976.

Минский, Добролюбов 1995 — *Минский Н.*, *Добролюбов А.* Стихотворения и поэмы. СПб.: Гуманитарное агентство «Академ. проект», 1995. (Нов. б-ка поэта).

Надсон 1962 — *Надсон С.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1962. (Б-ка поэта. Большая сер.).

Некрасов 1981 — *Некрасов Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 2: Стихотворения 1855–1866 гг. Л.: Наука, 1981.

Орешин 1927 — *Орешин П.* Родник: Стихи. Т. 3. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927.

Песни 1963 — Песни и романсы русских поэтов / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. В. Е. Гусева. М.; Л.: Сов. писатель, 1963. (Б-ка поэта. Большая сер.).

Пушкин 1949 — *Пушкин А. С*. Полн. собр. соч. в одном томе. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1949.

Рильке 1971 — *Рильке Р.-М.* Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. М.: Искусство, 1971.

ССРЛЯ (15) — Словарь современного русского литературного языка. Т. 15. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1963.

Тургенев 1953 — *Тургенев И. С.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 1: Записки охотника. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1953.

Федотов 1991 — *Федотов Г. П*. На поле Куликовом // Федотов Г. П. Судьба и грехи России: Избр. ст. по философии русской истории и культуры. Т. 1. СПб.: София, 1991. С. 102–122.

Цветаева 1994 — *Цветаева М*. Собр. соч.: В 7 т. Т. 2: Стихотворения. Переводы. М.: Эллис Лак, 1994.

Хазанов 2012 — *Хазанов Б*. Миф Россия. Очерки романтической политологии. СПб.: Алетейя, 2012.

Чичибабин 2002 — *Чичибабин Б. А*. В стихах и прозе. 3-е изд., испр. Харьков: Фолио, 2002.

Rilke 1997 — *Rilke R. M*. Sämtliche Werke. Bd. 7: Übertragungen. Frankfurt am Main; Leipzig: Insel, 1997.

Литература

Барзах 1996 — *Барзах А.* Тоска Анненского // Митин журнал. Вып. 53. 1996. С. 97–124.

Бокова 2014 — *Бокова О. А*. Концепт «тоска» в идиостиле Ф. М. Достоевского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 1 (31): В 2 ч. Ч. 2. С. 35–37.

Димитрова 2001 — *Димитрова Е. В*. Трансляция эмотивных смыслов русского «тоска» во французскую литературу: Дисс. … канд. филол. наук / Волгоград. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2001.

Зализняк и др. 2005 — *Зализняк Анна А.*, *Левонтина И. Б.*, *Шмелев А. Д*. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005.

Медовой 2000 — *Медовой М. И*. «Вечно обязан Риму». Искания С. П. Шевырева (1829–1834) // Russian Studies = Études russes = Russiche Forschungen: Ежеквартальник русской филологии и культуры. Vol. 3. № 3. С. 102–131.

Мильчина 2019 — *Мильчина В*. Хроники постсоветской гуманитарной науки. Банные, Лотмановские, Гаспаровские и другие чтения. М.: Нов. лит. обозрение, 2019.

Чеснокова 2012 — *Чеснокова Л. В*. Тоска как национальный концепт русской культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9 (23): В 2 ч. Ч. 1. С. 95–100.

Asadowski 1986 — Rilke und Rußland. Briefe, Erinnerungen, Gedichte / Hrsg. von K. Asadowski. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1986.

Wierzbicka 1990 — *Wierzbicka A*. *Duša* (= soul), *toska* (= yearning), *sud'ba* (= fate): Three key concepts in Russian language and Russian culture // Metody formalne w opisie języków słowiańskich / Pod red. Z. Saloniego. Białystok: Dział Wydawn. Filii UW w Białymstoku, 1990. P. 13–36.

References

Asadowski, K. (Ed.). *Rilke und Rußland. Briefe, Erinnerungen, Gedichte*. Berlin: Aufbau-Verlag. (In German).

Barzakh, A. (1996). Toska Annenskogo [Annensky's 'Yearning']. *Mitin zhurnal* [Mitya's journal]*, 53*, 97–124. (In Russian).

Bokova, O. A. (2014). Kontsept "toska" v idiostile F. M. Dostoevskogo [The concept of "melancholy" in F. M. Dostoyevsky's individual style]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]*, 2014*(1(31)), Part 2, 35–37. (In Russian).

Chesnokova, L. V. (2012). Toska kak natsional'nyi kontsept russkoi kul'tury [Yearning as a national concept in Russian culture]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [*Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*]*, 2012*(9(23)), Part 1, 95–100. (In Russian).

Dimitrova, E. V. (2001). *Transliatsiia emotivnykh smyslov russkogo "toska" vo frantsuzskuiu literaturu* [Translation of emotive meanings of Russian *toska* into French literature] (Unpublished Cand. Sci. (Philology) thesis, Volgograd State Pedagogical University). Volgograd. (In Russian).

Medovoi, M. I. (2000). "Vechno obiazan Rimu". Iskaniia S. P. Shevyreva (1829–1834) ["Obliged to Rome forever": S. P. Shevyrev's searching, 1829–1834]. *Russian studies = Études russes = Russiche Forschungen, 3*(3), 102–131. (In Russian).

Milchina, V. (2019). *Khroniki postsovetskoi gumanitarnoi nauki. Bannye, Lotmanovskie, Gasparovskie i drugie chteniia* [Chronicles of post-Soviet humanities. Bannye Readings, Lotman Readings, Gasparov Readings and others]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Wierzbicka, A. (1990). *Duša* (= soul), *toska* (= yearning), *sud'ba* (= fate): Three key concepts in Russian language and Russian culture. In Z. Saloni (Ed.). *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*, 13–36. Białystok: Dział Wydawn. Filii UW w Białymstoku.

Zaliznyak, Anna A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. (2005). *Kliuchevye idei russkoi iazykovoi kartiny mira* [Key ideas of the Russian linguistic worldview]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Константин Маркович Азадовский
независимый исследователь
Россия, Санкт-Петербург
✉ *azadovski@mail.ru*

Information about the author

Konstantin M. Azadovsky
Independent Researcher
Russia, St. Petersburg
✉ *azadovski@mail.ru*